

Руслан Смородинов

В кого я уродился

— Пап, почему ты до сих пор не женился? — частенько спрашиваю я.

— Не могу. Я извращенец, — отвечает он.

— В каком смысле?

— У меня патологическое сексуальное влечение к глобусу.

— К чему?

— К глобусу... Знаешь, как иногда охота положить на все это СНГ!..

Разговоры в таком духе продолжаются на протяжении многих лет.

— Руслан, когда же ты, наконец, жениишься? — частенько спрашивает меня моя мать.

— Не могу. Я к глобусу неравнодушен, — отвечаю.

— В кого ты только такой уродился!

— Тебе виднее.

Мама давно привыкла к моей язвительности и не реагирует. С помощью цинизма я избавляюсь от высокопарной пошлятины.

— Вот смородиновская порода! — продолжает мать. — Весь в отца...

За свою жизнь я встретил, если не считать прямых родственников, только одного однофамильца — алкоголика Мишу по прозвищу Тарзан, который в 90-м году допился стеклоочистителем до исключительной стадии опьянения, то есть до летального исхода. Других Смородиновых, по всей вероятности, в мире не осталось, и я всеми своими усилиями и действиями пытаюсь исправить эту несправедливость...

Свою вкусную фамилию я получил от отца, родившегося в таком месте, какие встречаются разве что в Сибири. Во время Великой Отечественной, находясь за линией фронта, то бишь на оккупированной территории, жители колхоза “Звезда” не видели ни одного немца и ни одного полицая. Люди выживали собственным хозяйством и об окончании войны узнали три месяца спустя после победного салюта. С электричеством, телефоном и радио колхозники познакомились лишь в 70-е годы. Одна из основных бед России выражена на родине отца настолько, что и поныне автобус отваживается доехать до деревни Дюдиково лишь в самый засушливый летний месяц. Хлеб в сельмаг привозят на подводе единожды в неделю. Милицию видят в 250 раз реже. В колхозе проживали загадочные ссылочные застойных времен...

Баба Аня называла себя карелкой и говорила на карельском языке. Позднее, пытаясь разобраться в истоках этого диалекта, я пришел к выводу, что он представляет собой странную смесь финского языка с чем-то неизвестным и неоднородным. Папа, покинувший деревню четырнадцатилетним подро-

стком, карельским языком так и не овладел. Спустя много лет баба Аня говорили ему:

— Толя, сынок, вот ты — образованный, а родного языка не знаешь.

— Мама, — отвечал отец, — нет такого языка — карельского, он уже умер...

Папа умудрился окончить семилетку — случай для крестьянского сына, учитывая трудное послевоенное время, почти уникальный. Учеба сопрягалась со многими трудностями — в частности, приходилось преодолевать двенадцатикилометровый путь до села Сутка зимой. Однажды, возвращаясь из школы в пургун, папа заблудился и вконец обесцелил. Его искали всей деревней и, к счастью, нашли. Ученик отделался легким обморожением конечностей.

По окончании школы отец пешком отправился в районный центр, дабы поступить в училище изобразительных искусств. Говорят, папа хорошо рисовал, однако, провалившись при поступлении в училище, он дал зарок никогда не рисовать и соблюдает сей обет до сих пор.

Кроме того, в Весьегонске его ограбила послевоенная шпана. Казалось бы, на папу должно было свалиться отчаяние. В училище не поступил, деньги отобрали — возвращаясь домой. Ах нет. Подзаработав грузчиком небольшую сумму, он приехал в Рыбинск и без особого труда поступил в техникум речного хозяйства.

Через четыре года на руках у отца был красный диплом, а также призывная повестка из военкомата. Кося от срочной службы, папа незамедлительно поступил в Ленинградский судостроительный институт.

В институте он был первым отличником и первым прогульщиком. Староста группы говорил ему:

— Толя, я позавчера отмечал, что ты был на лекциях, вчера отмечал, но сегодня, ты уж меня извини, я поставлю тебе прогул. Иначе мне влетит...

— Плевать, — реагировал мой отец и отправлялся за очередной поллитровкой.

После пятилетнего обучения в вузе папа получил очередной красный диплом и распределение в Волгоград...

Женился отец относительно поздно — в 29 лет. Моя бабушка по материнской линии говорила своей дочери:

— Рая, неужель ты выйдешь замуж за корейца?

— Он не кореец, а карел, — отвечала моя мама.

— Какая разница... — отмахивалась бабушка Поля.

Мама пыталась объяснить, что карел — это русский, родившийся в Карелии, типа как москвич или волжанин.

— Вот и выходила бы за москвича или волжанина...

Я появился на свет через два года после законного бракосочетания моих родителей. Причем мое рождение было отмечено беспокойством врачей — я родился молча, и все решили, что причиной этого редкого события является немота. Им невдомек было, что всему виной была элементарная лень. Да-да, я просто поленился подать голос. И так бывает...

Родился я, что называется, в мать — у меня были еврейские серо-голубые глаза и черножуковый цвет волос. Но в течение года, как то ни странно, я постепенно превратился в русоволосого — отцовские гены взяли свое...

Вскоре мои родители развелись, но я часто виделся с папой, и эти встречи не прекращаются и по сей день.

Управлять двухколесным велосипедом меня научил именно отец. Причем делал он это весьма спартанским методом: разгонял меня до определенной скорости, толкал вперед и кричал: “Крути педали!” После седьмого падения я уяснил себе принцип балансировки и поехал самостоятельно. Слава Богу, плавать я научился без папиной помощи...

Отец хорошо играл в шахматы. Когда-то он был чемпионом общества “Водник”, то есть лучшим шахматистом во всем Волжском пароходстве.

Папа делал курсовые и дипломные проекты братьям моей матери, которым необходимо было получить образование, ибо они занимали руководящие посты. Кроме того, отец подрабатывал черчением. А чертил он идеально. Толщина линий соответствовала самым строгим требованиям стандарта. Видимо, сказывался природный талант к рисованию.

Отец много и крепко курил — три пачки “Беломора” в день. Постоянное отравление никотином вызывало у него ужасные приступы продолжительного, болезненного кашля. Находиться вместе с папой в кинотеатре было невозможно — кашель заглушал динамики, и казалось, что все киногерои болеют туберкулезом. В 79-м году в процессе очередного приступа у папы лопнули бронхи, и кровь пошла горлом. Врач скорой помощи, красивый грузин, сказал:

— Жизн прекрасна, биджо! Пры жизни ты кушишь баражка и любишь красивую девушку. Жизн — это самое прекрасное в жизни. Но помны, биджо, еще одна затяжка — и ты потэряшь самое прекрасное в жизни.

Этой затяжки не последовало. Отец избавился от никотинной зависимости. И это — после двадцативосьмилетнего беспрерывного курения!

Однако у папы осталось другое пристрастие — водка. Неприятный осадок сохраняется на донышке моей памяти: мама вечерами бегает в ближайший вытрезвитель и при помощи соседей приволакивает отца домой.

Как-то раз участковый милиционер сказал ей:

— Раиса Кирилловна, предупреждаю вас, если вы мне не отадитесь, я упрячу вашего мужа в ЛТП... Вы такая красавая...

— Пошел вон, ублюдок! — сказала мама.

Отца, однако, не привлекли к принудительному лечению. Уж слишком его ценили на работе. Только папа во всем речпорту мог быстро и безошибочно определить неисправность на любом теплоходе и моментально ее устранить. Профессионализм и алкоголизм иногда гармонично уживаются...

Несмотря на небольшой рост, отец имел достаточно немаленький вес. Из детства мне припоминается следующий случай.

Был субботний день, и папа зашел за мной на улицу Карла Маркса. Дверь отцу открыл мамин муж.

— Здорово, шеф-повар! — сказал папа.

— Здравствуй, Анатолий, — ответил дядя Гена.

— Я пришел за Русланом. Мы с ним погуляем.

— Конечно-конечно...

Гуляя по городу, папа не пропускал ни одной рюмочной и ни одного буфета, а пропускал он лишь по 100 — 150 граммов внутрь. На площади Павших Борцов отец подошел к платным нестандартным весам.

— Сколько стоит? — спросил он.

— Ручной силомер — пять копеек, взвеситься — десять, — ответила женщина.

Папа взял силомер и сжал его в кулаке. Стрелка зашакалила, в самом приборе что-то хрустнуло.

— Сколько я выжал? — спросил отец у женщины. — Я что-то не пойму...

— Медведь! — закричала она. — Тарзан окаянный! Силомер сломал...

Папа встал на весы:

— Взвешивай.

Женщина немного поворчала и начала передвигать грузики.

— Девяносто девять восемьсот, — сказала она.

Папа подумал и говорит:

— Еще — двести грамм. Для ровного счета.

И мы направились в очередной буфет...

Я думаю, излишние килограммы отца заключаются в его широкой кости и круглом брюшке.

— Пап, ты можешь спать на животе? — иногда спрашивала я.

— Дурак, что ли! — неизменно отвечает он. — Ты сам смог бы спать на кочке?..

Впрочем, папу скорее можно назвать коренастым мужчиной, нежели толстым. Он издалека узнаваем по своей минетавровской походке.

Отец обладает незаурядным чувством юмора. Заключается оно не столько в острозвии, сколько в мимике и своевременности. Внешностью папа похож одновременно на двух Леоновых — на космонавта Алексея Архипыча и актера Евгения Палыча.

Во время застолий отец всегда находится в центре внимания. Если кого он и не может подкупить своим обаянием, так это только собак — я имею в виду обыкновенных собак — животных.

Однажды на родине отца мы с ним на велосипедах отправились собирать землянику. Когда проезжали деревню Беняково, за папой увязалась целая свора собак. Отец, высунув кончик языка, усердно давил на педали, а псы с не меньшим усердием пытались хватить зубами его ногу выше голенища сапог. Наконец папа не выдержал...

Я ехал несколько впереди и поэтому не видел, как отец затормозил, а лишь услышал несиллабические матерные выражения. Оглянувшись, я увидел следующую картину.

Держа велосипед одной рукой за раму, папа гонялся за собачками и шлепал их двухколесным средством передвижения, как мухобойкой. Одна дворняжка с перепугу влезла на дерево...

Отец не переносит двух вещей — обман и жару. Летом он страдает от зноя, пьет много воды, потеет. Зима кажется ему благодатью.

Как-то в марте месяце, провожая меня в Москву на сессию, он заявил на перрон одетым в летние штаны и безрукавку. От вида его одежи прохожих бросало в дрожь.

— Пап, тебе не холодно? — спросил я.

— Нормально, тепло. Плюс два...

Шарлатанства отец не принимает, относится к нему скептически. Однажды папа сорвал выступление экстрасенса. Дело было так.

В Дюдиково приехал какой-то занюханный парапсихолог, и глупые старушки восхищались его искусством гипноза. Папа выкрикнул из зала:

— А меня усыпить сможете?

— Пожалуйста, — ответил экстрасенс, — прошу на сцену.

Отец поднялся и встал перед гастролером.

— Спать... Спать... Ваши веки наливаются свинцом... Ваши глаза закрываются... Спать... — распевно внушал гипнотизер.

Папа, однако, не засыпал, и ему это в конце концов надоело. Он сказал экстрасенсу:

— Ты вспотел, гагона.

Парапсихолог не выдержал и засмеялся...

Папу трудно в чем-либо переубедить. Когда мне было около четырех лет, мы с ним отправились на представление в цирк. В середине второго отделения я услышал негромкий храп — отец, находясь “под мухой”, просто-напросто закемарил. И не было бы в этом ничего удивительного, если бы клоун не воспользовался персоной папы.

— Смотрите, — кричал комик, показывая на папу, — вам смешно, а он спит!

Зал смеялся, я пытался разбудить папу, но тот безнадежно спал.

Клоун не унимался. Он подбежал к нашим местам и торжественно объявил:

— Сейчас я его разбужу!

Затем он достал из кармана какую-то дудочку и мерзко засвистел на ней прямо в папино ухо.

Отец нехотя приоткрыл глаз, невыразительно назвал клоуна идиотом и снова заснул.

Зал умирал со смеху. Клоун подарил мне воздушный шарик.

По окончании представления я рассказал всю эту историю папе. Он не поверил:

— Надо же, как выдумал! Видать, писателем будешь...

С отцом часто случались анекдотические происшествия. Только папа, в совершенно трезвом состоянии, мог перепутать станции “Рязань I” и “Рязань II” и, решив, что поезд вместо положенных пяти минут будет стоять полчаса, отправился на отдаленный базар. Естественно, когда отец вернулся на перрон, поезда и в помине не было.

В другой раз папе удалось-таки нагнать отправляющийся поезд и зацепиться руками за поручни. Но так как дверь в вагон была уже заперта, отцу пришлось висеть на поручнях до следующей станции — целых три часа! Проводник разжал папины пальцы при помощи отвертки...

Однако самые анекдотические ситуации возникали тогда, когда папа был навеселе. Я их рассказываю не потому, что желаю в чем-то унизить отца. Боже упаси! Ведь со мной по пьяни слушались истории во сто крат непригляднее. Это не отец, а я, начав пить в Волгограде, следующим утром очнулся в отделении милиции города Петров Вал — за двести километров от дома. Причем я до сих пор не могу объяснить, каким образом я туда попал? Это не отец, а я, имея удостоверение тракториста, умудрился на “Белорусси” сорваться в обрыв оврага и, трижды перевернувшись в кабине, не получить ни одной царапины. Это не отец, а я упал с третьего этажа и ударился затылком об землю так, что на щеках через поры кожи выступила кровь. Это не отец, а я... Впрочем, речь идет не обо мне...

Еще до моего рождения папа, мама и мамин брат, дядя Вася, решили красиво поужинать. В ресторане, разумеется, свободных мест не оказалось. Дали кому-то на лапу — сразу же место нашлось. Правда, столик был уже кем-то заказан — на нем находились фрукты, холодная закуска, минеральная вода, зефир, три хризантемы...

— Через час здесь будет кушать товарищ Иглоухин, — сказал официант. — Так что вы жрите, пожалуйста, побыстрее. И ни в коем случае не прокасайтесь к этим закускам!

Папа сделал заказ, не забыл и про водку.

Немного перекусив, дядя Вася, в те годы увлекавшийся поэзией, предложил:

— На втором этаже читают стихи. Пойдемте послушаем.

— Вы идите, а я здесь побуду, — ответил отец.

Мама и дядя Вася отправились наверх, папа остался поглощать водку...

— Рая, послушай, какие строки! — восхищался дядя Вася каким-то молодым автором.

— Да-а... — восхищалась мама.

— А можно, я тоже прочту свои стихи? — спросил дядя у литературной богемы.

— Конечно, — ответила литературная богема.

И дядя начал:

— Василий Бугаев. “Весна”.

*В нее не верили сначала,
Но Волга чуяла сквозь сон,
Как возле зимнего причала
Гудит ручейный перезвон.*

*Земля, как свежий хлеб, парится,
И вкусно пахнут всходы трав,
И вновь поют шальные птицы
О щедрой вольности дубрав.*

— Браво! — кричала богема.

Все было хорошо. Мир был незаносчив и доброжелателен. Ничто не предвещало огорчений. Как вдруг...

С первого этажа послышался звон бьющейся посуды. Когда мама и дядя Вася спустились вниз, они увидели вусмерть пьяного Смородинова, лежащего на полу и пытающегося укрыться скатертью. Все, что было на столе, теперь лежало в разбитом виде вокруг папы. Товарищ Иглоухин был очень недоволен...

В период идиотской борьбы Горбачева с водкой отец сварил себе самогонный аппарат, при помощи которого получал отличный первач, приправляемый впоследствии чаем, апельсиновой кожурой и перцем. Папа называл свой продукт перцовкой “Смородинофф”...

Как-то раз после трехдневного запоя у нас иссякли запасы этой перцовки. Мы пошли покупать водку с рук. Взяли у престарелой цыганки бутылку с сомнительной пробкой. Папа сказал:

— Бабушка, если в бутылке окажется какая-нибудь херня, а не водка, то я вернусь и откручу тебе голову против часовой стрелки.

Цыганка сразу же забеспокоилась:

— Подожди, золотой, подожди. Возьми другую бутылку...

Многие происшествия случались не без моей помощи. Так, в очередном запое у отца я заснул с горящей сигаретой в руке, и ночью стала тлеть спинка дивана. Разбудил меня удушающий дым.

— Горим! — закричал я и стал открывать окна.

Отец проснулся, обжаловал меня матом, выпил стопку и, недолго думая, выкинул тлеющую спинку на лестничную площадку. Уже через десять минут весь подъезд не спал, задыхаясь от дыма. Со всех этажей доносились панические голоса. Папа безмятежно спал...

На следующее утро отец спрашивает:

— Какой сегодня день недели, воскресенье или понедельник?

— По-моему, понедельник, — отвечаю.

— Черт возьми, мне же надо к зубному врачу! Я полгода в очереди стою...

Папа выпил стакан подсолнечного масла, дабы перебить дух спиртной, быстро оделся и побежал к стоматологу.

Через час он возвратился:

— Сегодня не понедельник, а воскресенье.

— По-моему, воскресенье, — соглашаюсь я.

— А какого же черта ты мне сказал, что понедельник?! Я, как последний чунгачгук, ломлюсь в клинику, а она не работает. Выходной!.. Сторож меня за психа принял, — закончил папа и

меня за психа принял, — закончил папа и выставил на стол поллитровку...

Еще до перестройки мы с отцом ежегодно ездили на его родину. Летом скорый поезд “Волгоград — Москва” обслуживали студенты волгоградских вузов — у них это называлось третьим трудовым семестром.

Итак, мы в очередной раз уезжаем из Волгограда. Отец предъявляет билеты симпатичной студентке-проводнице.

— Проходите в вагон, — улыбается она.

Стучат колеса на стыке рельсов. Папа периодически уходит в вагон-ресторан, причем с каждым разом возвращается все более неуверенной походкой.

Я выхожу из купе и вижу, что папа разговаривает с проводницей:

— Девушка, вы не подскажете, где мое купе? — спрашивает он и в целях сохранения равновесия держится за грудь комсомолки.

— Вон ваше купе, мужчина, второе от туалета, — отвечает девушка и отнимает папину руку от комсомольского значка.

Перед сном отец пытается забраться на верхнюю полку.

— Ляг на нижнюю, — уговариваю я, — а то вдруг упадешь...

Он соглашается и ложится.

Напротив него готовится ко сну немолодой таджик с лицом цвета брюквы.

Я еще не успевал заснуть, как отец падает с полки, причем падение происходит с переворотом, в процессе которого папин кулак с размаху встречается с лицом спящего таджики. А кулак у папы — не легкий.

Я спускаюсь с верхней полки и с трудом укладываю отца обратно в постель. Перепуганный и опечаленный таджик забился в угол и прикрывает ладонью кровоточащую губу.

Уже глубокой ночью я просыпаюсь от какого-то шума.

— Выпустите меня отсюда! — кричит отец и бьет кулаком в дверь купе.

Таджик в ужасе выглядывает из-под одеяла.

— Пап, — говорю, — там на двери рычаг, дави его на себя — дверь откроется.

— Этот, что ли? — отец протягивает мне свою руку, в которой ската ручка от двери.

— Ничего себе! — восхищаюсь я. — Ты рычаг оторвал.

— Я не отрывал, он отвалился. Я чуть-чуть нажал...

Дверь снаружи открывает проводник. Угрюмый такой.

— Кто кричал? — спрашивает он.

— Я, — отвечает папа, — а в чем, собственно, дело?

— Это как раз я хотел узнать, в чем дело?

— Я не мог открыть дверь... Интересно, а как ты ее открыл?

— Очень просто. Вот так, — проводник закрывает и открывает дверь.

— Здоро́во! — изумляется отец. — А еще раз?

Проводник повторяет весь процесс.

— А еще?

— Надоело, — отказывается проводник.

Огорчившись, папа забирается под одеяло и засыпает.

Утром таджик глядит на отца недоброжелательно.

— Что? — спрашивает его еще не пропривевший папа. — Я тебе не нравлюсь?.. Ты на себя посмотри. Небось вчера сам нажрался. Вон — вся рожа разбита...

Что меня больше всего удивляет в отце, так это полное отсутствие в нем тщеславия. И это — невзирая на его ум, память, профессионализм и обаяние.

Отцу предлагали стать членом КПСС.

— Зачем? — спрашивал он. — Платить лишние взносы?

— Чтобы получить руководящую должность, чтобы сделать карьеру.

Отец объяснял, что не собирается делать карьеру, что график “сутки через трое” его вполне устраивает...

Несмотря на какое-то нездоровое равнодушие к мирозданию, папа иногда проявлял в себе характер ярого правдолюбца. Из-за этого его однажды чуть не арестовали сотрудники КГБ. Суть в следующем.

Отстояв четыре часа в очереди, мы приближались к мавзолею Ленина. И тут к нам пристроился некий тип в солидном заграничном костюме. Отец, не размыслия, схватил этого пижона за грудки — да так, что пуговицы от фирменного пиджака полетали на брускатку, — и со словами “Ты здесь не стояло, пугало” выкинул гражданина из очереди.

Но тут откуда ни возьмись появились двое крепких молодцов и взяли отца под руки.

— Мы из Комитета, — сказал один.

— Вы толкнули иностранца, — сказал другой.

— Пройдемте...

— Никуда я не пойду, — ответил папа. — Я желаю посмотреть на вождя мирового пролетариата!..

Увести человека с Красной площади, когда там множество иностранцев, да еще вместе с несовершеннолетним сыном, — не так-то просто. Взяв с отца обещание, что он не будет больше трогать заграничного товарища, комитетчики оставили нас в покое. Мы без помех спустились в мавзолей, осмотрели мумию и поехали в гостиницу. Папа по дороге удивлялся:

— Надо же! Ленин — а уши сгнили...

Ко всей этой истории я хочу добавить, что того иностранца еще долго не пропускали в мавзолей солдаты почетного караула, ибо нельзя было входить в святилище в расстегнутом пиджаке, пусть даже на этом пиджаке отсутствуют все пуговицы...

Папа был завсегдатаем буфета гостиницы “Южная”, в которой обычно размещались гастролирующие артисты. Именно здесь, за стаканом водки, он перезнакомился почти со всеми актерами-выпивохами, некогда бывавшими в Волгограде.

Отца то и дело приглашали на спектакли, в которых играли его знакомые.

Отец был знаком с Леонидом Енгибаровым.

Кроме того, папа общался с каким-то деятелем их съемочной группы кинофильма “Они сражались за Родину”. Сергей Федорович Бондарчук снимал эту картину в 74-м году под Волгоградом. С работой над этим фильмом связана загадочная смерть В. М. Шукшина.

Папин знакомый доказывал, что доподлинно знает все обстоятельства этой смерти. Согласно его рассказу, Шукшин, находясь в сильном подпитии, захлебнулся во сне собственной рвотной массой. Лицо я в такую версию кончины Василия Макаровича не верю...

В тугих кольцах зеленого змия погибла не одна человеческая жизнь. Список одних лишь мэтров русской изящной словесности растяняется на несколько страниц. Чего уж говорить о простых смертных?..

К сожалению, во мне обнаруживается чрезвычайная предрасположенность к этой пагубе. Будучи еще двухлетним младенцем, я инстинктивно — вероятно, пытаясь подражать взрослым, — прикладывался в кухне к порожним бутылкам, добывая капельки спиртного.

— В отца пошел, — смеялась баба Аня.

— Папино питй, — говорил я и показывал на бутылки. — Папино пити, — говорил я и улыбался. Мне было весело...

Вот и неделю назад мы с отцом снова выпивали.

— Ты очень умный, — говорил мне папа. — Ведь у тебя красный диплом.

— А у тебя что, не красный? — отвечал я.

— Ты умнее меня, — продолжал он. — Ты знаешь интерфейсные связи и логические системы.

— Зато ты до сих пор помнишь доказательство теоремы Пифагора.

— Ты читаешь Библию на языках оригинала.

— А ты — техническую литературу на английском.

— Ты слишком умный, сынule.

— Ты тоже.

— За это надо выпить!

— Разумеется.

Мы принимали очередную дозу.

У стены стояла целая батарея из пустых бутылок, сложенная по типу поленницы, — крестьянское происхождение всегда в чем-то выражается, даже если человек покинул деревню еще в отеческие годы...

Невзирая на частые запои и некоторую прямолинейность в суждениях, невзирая на отсутствие тщеславия (или как раз благодаря этому) и некоторое упрямство, отца уважают практически все. (Чего, увы, я не могу сказать о себе.)

Его уважают алкоголики и руководящие работники, его уважают мои друзья и родственники, его уважают коллеги по работе и уважал мой покойный отчим, его уважают даже соседи и уважает моя мать. В конце концов, его уважаю я, а это уже не мало!..